

*Посвящается Фредди
(06.09.1925–05.09.2018)*

Мы девочки, но девочки с характером.

*Парафраз цитаты из рассказа «Титанчики»
нидерландского писателя Нескио (1882–1961 гг.):
«Мы были мальчиками, но добрыми мальчиками».*

Мы дочери разбойниц, в нас — их отвага.

*Йови Шмити,
нидерландская писательница,
автор книг для детей и взрослых*

Настоящая опасность, особенно в нестабильные времена, — это простые люди, которые вместе и составляют государство. Настоящая опасность — это я, это вы. Без нас диктаторы — всего лишь пустозвоны, напичканные ненавистью и беспомощными мечтаниями о насилии.

*Ги Кассирс,
режиссер спектакля по роману
«Благоволительницы» Джонатана Литтелла*

Пролог

Октябрь 1933 года

Мама усадила меня на стол и принялась заплетать мне волосы.

— Ну как, все запомнила? — спросила она.

Я кивнула, но машинально — мама отпустила косы и обхватила мое лицо руками. Повернула его так, чтобы я смотрела прямо на нее.

— Да-а, — протянула я и пошевелила пальцами ног. Точнее, попыталась: старые боты сестры были слишком тесны. Подошвы прохудились, каблук еле держался. Ходить в них удавалось, только поджав пальцы.

— И что же ты будешь делать? — спросила мама.

— Да ничего особенного. Сидеть, пока не получу то, за чем пришла.

— И почему?

— Потому что у меня есть на это право, — ответила я. Мама рассмеялась и чмокнула меня в лоб.

— Вот и правильно, милая!

На большой перемене я постучала в дверь директорского кабинета. Ответа не последовало. «Никого нет, — с облегчением подумала я. — Теперь можно домой». *Я не виновата, мама, директор как раз вышел.* Мама пристально заглянет мне в глаза, в ее взгляде мелькнет разочарование. «Придется мне самой идти», — скажет она.

Живот скрутило, но я постучала снова, громче. Опять тишина. Может, директор и правда вышел. Я взглянула на портрет королевы Вильгельмины над дверью, но и королева не знала, что делать. Подождав, пока дыхание немного выровняется, я взялась за ручку, бесшумно нажала и открыла дверь.

А вот и он, сидит за большим письменным столом. Не поднимая головы, директор коротко взглянул на меня и продолжил писать. Белая рубашка, черный галстук, фрак. Все в нем было толстое и короткое: толстая короткая шея, толстые короткие пальцы. В стеклянной пепельнице на столе тлела толстая сигара.

— Моя мама просит карточку на новую одежду, — дрожащим голосом произнесла я.

Директор затаился сигарой, положил ее обратно в пепельницу и выдохнул дым в мою сторону, ничего не ответив.

— Моя мама просит карточку на новую одежду, — закашлявшись, повторила я. — Карточку материальной помощи.

Продолжая писать, директор медленно и устало покачал головой.

Я хорошенько вдохнула, переступила через порог и с колотящимся сердцем уселась на стоящий у стола стул.

Теперь-то директор посмотрел на меня по-настоящему.

Я сложила руки на груди, зацепилась ногами за ножки стула.

— Мама велела сидеть тут до тех пор, пока не получу карточку.

— Тогда сиди, — невозмутимо ответил он и, обмакнув перьевую ручку в чернильницу, снова стал писать. Его губы чуть дрогнули в улыбке.

За его спиной, в рамке большого окна, по школьному двору бежали двое — соседский Петер и другой мальчик, незнакомый. Вокруг старого дуба с оголенными осенью ветвями на одной ножке прыгала моя сестра. Внезапно она подняла с земли скакалку и подбежала к директорскому окну. Теперь с каждым прыжком за стеклом мелькало ее обеспокоенное лицо. Я покачала головой. *Не получается, Трюс. Не уходи! Иначе я тоже уйду.* Трюс отбежала обратно к дереву и прислонилась к стволу. Она подождет, в этом я не сомневалась. Но теперь я едва видела ее: в своем коричневом платье сестра почти слилась с дубом. На дворе больше никого не было. Вид из окна превратился в мертвый пейзаж.

В кабинете слышалось лишь тихое поскрипывание пера по бумаге. От сигары в пепельнице поднимался прямой столбик дыма. Я принялась рассматривать стены. Совершенно голые, даже часов нет. Мы с директором сидели как будто в мыльном пузыре. Даже дышать страшно. Я досчитала до ста. И проколола пузырь.

— Учитель, можно мне бутерброд? — услышала я свой голос. — Сейчас обед, а домой я уже не успею.

Директор засопел, нагнулся и вынул откуда-то коричневый бумажный пакет. Молча протянул мне ломтик ржаного хлеба. Я так же молча стала его жевать. И ждать дальше. А директор обмакнул ручку в чернила и вернулся к письму.

Он все писал и писал. Больше ничего не происходило. Только кончик сигары, когда директор затягивался ей, время от времени вспыхивал оранжевым.

Я посчитала от ста до нуля. Потом встала.

— Моя мама просит карточку на новую одежду, — громко сказала я. Получилось неожиданно визгливо. Чего доброго, еще раскричусь. Я сжала губы.

— Твоя мама? — переспросил директор. Он затушил сигару в пепельнице и язвительно хмыкнул.

Маму он знал. Ее все знали. На прошлой неделе я принесла ей письмо из школы. На конверте значилось: «Для юфрау* Ван дер Молен».

— Не знаю такой, — отрезала мама, не заглядывая в конверт. — Отнеси обратно.

— Как же в таком случае зовут твою маму? — спросил тогда директор.

— *Мефрау* Ван дер Молен, — ответила я.

Его глаза удивленно расширились, и он оглушительно расхохотался: жена рабочего — это тебе не мефрау, а уж бывшая жена и подавно.

— Твоя мама... — повторил теперь директор, аккуратно макая перо в чернила. — На прошлой неделе принять карточку материальной помощи она не пожелала. А теперь, выходит, я должен выписать ей новую?

* Юфрау — обращение к незамужним женщинам, мефрау — к замужним.

Я поражено уставилась на узкий рот, из которого вылетели эти слова, потом на короткие толстые пальцы, так осторожно, почти нежно берушие промокашку, чтобы не допустить клякс и разводов. Мой взгляд остановился на чернильнице.

Я рванулась вперед и одним махом сбросила чернильницу со стола. Она отскочила от металлического шкафа и ударилась о стену, по полу потекли черные, как запекшаяся кровь, ручейки. Мы оба воззрились на доказательство моего преступления. Через мгновение директор вскочил и занес руку для удара.

Упредив его, я кинулась к двери.

— Вон! — завопил он. — Вон отсюда! Ты точно такая же, как твоя мать!

— Неправда! — прокричала я в ответ. — Мама никогда ничего не проливает!

— ...отстраняю!.. На три ме... — донеслось из кабинета, но меня уже и след простыл. Пылая гневом, я вылетела на улицу.

Это начало — август 1941-го.

С господами в шляпах мы знакомства не водим. Перегнувшись через мамину кровать, я чуть приподнимаю бумажную светомаскировочную занавеску и удивленно разглядываю стоящего у двери человека. Зову маму, она наверху.

— В шляпе? — переспрашивает из гостиной сестра.

— Высокий и стройный... — таинственным тоном сообщаю я и присвистываю сквозь зубы. — Лицо — что твой принц. Кинозвезда, Трюс! Поди, твоей руки просить пришел.

Я слышу, как мама открывает входную дверь.

— Хорош ребячиться. — Трюс опускает в кастрюлю последнюю картошку, осторожно, словно та стеклянная, и вытирает грязные руки о синее платье. — Можно подумать, тебе не пятнадцать, а десять, — говорит она, но все же улыбается.

— Вообще-то, почти шестнадцать. — Я улыбаюсь в ответ. — А вот тебе, можно подумать, скоро не восемнадцать исполнится, а все восемьдесят.

Пришел он не к ней, понятное дело. Не такая уж она красавица. Но вслух я этого никогда не скажу.

В комнату заглядывает мама.

— Он хочет поговорить, — тихо сообщает она. — С вами.

— С нами?

До сегодняшнего дня мы разговаривали только с мужчинами в кепках!

Трюс прыскает со смеху и относит кастрюлю с картошкой на кухню. Я глупо хихикаю. Пытаюсь поспешно закрыть раздвижные двери, разделяющие гостиную пополам, — хочу спрятать мамину кровать, — но из-за этого идиотского смеха ничего не выходит. Двери слегка перекошены и не поддаются.

— Да, с вами. Я немного знакома с ним по партийной линии. — Мама состоит в Коммунистической партии. Вернее, состояла: сейчас партия под запретом, ведь коммунисты — враги нацистов. — Это связано с Сопротивлением.

Трюс изумленно смотрит на маму. Мы-то просто разносим нелегальные газеты, всего-навсего. При виде озадаченного лица сестры на меня опять нападает смех.

— Да хватит тебе, Фредди! — шепчет Трюс, прикрывая рот рукой, чтобы самой не расхохотаться.

Мама открывает дверь, впуская господина в шляпе, а я все не могу стереть с лица улыбку. Даже когда, борясь со щекоткой в горле, протягиваю ему для рукопожатия свою обмякшую от смеха ручонку. Он представляется, но его имя от меня ускользает.

Из-за его плеча на меня умоляюще смотрит Трюс. Я закусываю губу. Надо перестать смеяться.

— Я вам нужна? — спрашивает мама.

— Нет-нет, — отвечает гость. Голос у него спокойный, теплый.

— Тогда я буду наверху, — говорит мама. — В наши дни меньше знаешь — крепче спишь.

Другая мама настояла бы на том, чтобы остаться. Другие мамы у себя в доме заправляют всем, но наша не такая. Мама нам вроде старшей сестры.

Дверь закрывается, мамины шаги, простучав по лестнице, исчезают наверху. Мы с Трюс остаемся в маленькой гостиной, наедине с гостем. Внезапно я затихаю. По комнате кружит пчела, несколько раз проносится между нами, потом отлетает и со стуком врывается в стекло раздвижной двери. В этой внезапной тишине, когда слышно только, как пчела бьется о дверь, я замечаю, что господин в шляпе нравится сестре не меньше моего. Уши у Трюс пылают так же ярко, как ее рыжие волосы, щеки зарумянились, а сидит она с прямой как дощечка спиной, не касаясь спинки дивана, будто перед ней и впрямь звезда кинематографа. Обычно Трюс, самая благоразумная из нас, всегда знает, что делать, но сейчас, похоже, она не способна выдать из себя ни слова.

— Садитесь, пожалуйста, — торопливо говорю я и указываю на красивое кресло, обитое темно-красной материей, но он опускается в другое, проваленное, с торчащей пружиной. «Нет-нет, не туда», — хочу сказать я, но он уже сел. Я с любопытством ищу в его лице признаки испуга или боли. Но нет, ни следа. А он молодец! Я улыбаюсь Трюс и плюхаюсь на диван рядом с ней, со всей силы, так что она слегка подпрыгивает.

Господин снимает шляпу. Вообще-то, внешность у него не такая уж и примечательная, но есть в ней что-то элегантное. На нем твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях. В нашей части города такие не носят.

И черты лица у него тонкие, интеллигентные, от них веет спокойствием, хоть ему в задницу и впивается пружина.

— Так, значит, вы обе уже весьма активно участвуете в Сопротивлении? — начинает он.

Чего? Что за идиотский вопрос! Мы ведь даже не знаем, можно ли этому незнакомцу доверять! Мы с Трюс одновременно пожимаем плечами. О подобных вещах не болтают.

Он улыбается.

— Я все знаю.

Трюс напрягается.

— Это еще откуда? — неохотно заговаривает она. От румянца не осталось и следа.

— Товарищи рассказывали, — быстро отвечает господин. — Партийцы.

Ах да, он же тоже красный. Тоже коммунист.

— Говорят, дочери Красной Трюс не робкого десятка. Красная Трюс — так прозвали нашу маму.

Я в растерянности смотрю на сестру. *Ты отвечай за нас, пытаюсь внушить я ей взглядом, ты же из нас самая старшая и благоразумная, сама ведь говоришь!*

— Что вам от нас нужно? — спрашивает Трюс. Ее слова звучат строго, по-взрослому.

Гость складывает руки на коленях.

— Я собираюсь организовать антифашистскую боевую группу, — серьезно отвечает он. — Чтобы задать фрицам по первое число. И для этого мне понадобятся люди рискованные, смелые. — Он умолкает и по очереди смотрит на нас. — Те, кто способен не только работать посыльными, расклеивать плакаты или раздавать стачечные листовки...

Он снова умолкает. В наступившей тишине я понимаю: а ведь ему совершенно точно известно, чем мы занимаемся, — работаем посыльными, расклеиваем плакаты и раздаем стачечные листовки.

Начали мы год назад. У мамы тогда разболелось колено. «Пойдете вместо меня?» — спросила она. Мы легко справились. А уж после каждый день — «Вперед, за работу!».

Выходит, этот господин решил, что мы как раз такие, каких он ищет, — рискованные и смелые. Я молчу, Трюс тоже.

— Вы еще ходите в школу?

— Нет, — коротко бросаю в ответ я.

Я бы ходила, да и учитель уверял маму, что я бы прекрасно успевала и в средней школе, но денег на учебу не хватило. И все. Уже десять лет с тех пор, как отец от нас ушел, мы живем на пособия. Или на те гроши, которые мама зарабатывает, когда ей удастся найти работу. В прачечной она получала... Сейчас вспомню... Ах да, две трети от того, что платили мужчинам.

— Жаловаться вздумала? — возмутился начальник, когда она упомянула прибавку к зарплате. — Да такие бабы, как ты, всю работу у мужиков забирают!

— Ничего подобного, — возразила мама. — Ни один мужик за такие деньги и пальцем не шевельнет.

С прачечной пришлось распрощаться.

— Не ходите, значит. Работаете? — интересуется господин.

— Нет, — так же коротко отвечает Трюс.

Горничной из нее не вышло. Как раз на днях ее в очередной раз погнали с места. Мы помогаем маме по дому.

Да и на помощь Сопротивлению уходит немало времени.

— Чего вы от нас хотите? — холодно спрашивает Трюс. — У вас есть для нас работа?

Гость улыбается, потом, посерьезнев, объясняет:

— Да. Я хочу создать группу активного сопротивления. Мы будем пускать под откос поезда с боеприпасами. Подрывать железнодорожные пути. Красть оружие у фрицев или у полиции. Расправляться с предателями. — Он умолкает в ожидании нашей реакции. Потом добавляет: — Это будет группа насильственной борьбы.

И он приглашает нас в эту группу?

— Вы мне нужны, — говорит он.

Мы? Девчонки?!

У меня перехватывает дух. Нет, думаю, в такую группу мы вступать не станем, ясное дело. Ни в жизнь! Надо признать, его планы отличаются от того, что советует населению правительство в лондонском изгнании*, — «приспосабливаться» и «продолжать жить как обычно». И от речей тех, кто уверяет, что «все будет хорошо», ведь немцы и голландцы — близкие по расе и языку народы. Причем речи такие ведут не только местные национал-социалисты. А вот слова этого господина — решительные слова — мне больше по нраву. Хотя в группу его я, само собой, не пойду! Не способна я на такое. И Трюс не способна. Я невольно отсаживаюсь от визитера подальше, пока не натыкаюсь на спинку дивана.

* После капитуляции Нидерландов 15 мая 1940 года королева Вильгельмина была эвакуирована в Великобританию, где возглавила правительство в изгнании.